

БИТВЫ ПАМЯТИ: ПОБЕДИТЕЛЕЙ НЕТ

Пётр Гончаров

УДК: 94(41/99).

Еремеева С.А. Память: поле битвы или поле жатвы? Москва: Издательский Дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 358 с.

Memory Battles: There Are No Winners

Petr Goncharov

Эта рецензия посвящена недавно опубликованной книге культуролога Светланы Еремеевой «Память: поле битвы или поле жатвы?». Это своего рода «хрестоматия» исследований памяти. Благодаря ей можно получить представление не только о работах значимых зарубежных исследователей памяти (А. Ассман, Дж. Александера, З. Баумана, П. Джонс, Й. Йерушалми, К. Мерридейл, П. Нора, М. Хальбвакса и др.), но и об особенностях европейской памяти и ее отличиях от российской. Автор стремится отразить все многообразие и противоречивость памяти в современной России, исследуя ее с помощью конструктивистского, натуралистического и критического подходов, с опорой на события общественно-политической жизни 2000–2010-х годов. Книга не только позволит читателю удовлетворить свой познавательный или академический интерес к теме, но и предоставит возможность через отношение к прошлому изучить самого себя — сегодняшнего и помнящего.

Книга российского культуролога Светланы Еремеевой «Память — поле битвы или поле жатвы?» является одной из важнейших исследовательских работ, раскрывающих современный российский мемориальный ландшафт, неоднородный и эклектичный. Автор показывает, как развивалась память в Советском Союзе, в постсоветскую эпоху и что необходимо сделать, чтобы память оставалась важной для современного россиянина. При этом необходимо отметить, что история и память — различные понятия: история дескриптивна, а память перформативна. История — практика интеллектуальная, а память — скорее социокультурная, и предполагают они разные способы выстраивания отношений с прошлым¹. Память — один из основных познавательных процессов человека, привлекающий большое внимание исследователей. Память о прошлом у каждого человека своя, но существуют «точки соприкосновения» — представления о прошлом, разделяемые и конструируемые членами социальной группы, которые известный французский социолог М. Хальбвакс обозначил термином «коллективная память»². В России в начале XX века коллективная память была радикально изменена. Представление об истории как о научной дисциплине (со своим инструментарием, критикой, критериями) было уничтожено большевиками в 1920–1930-е гг. путем упразднения истории в школах и вузах³. В 1934 г. новая «гражданская» история стала рупором советской идеологии⁴, и лишь к началу 1970-х гг. в результате введения полного среднего школьного образования было сформировано представление об истории как о науке, изучающей прошлое⁵. Все это говорит о том, что значительная часть россиян старше 60 лет имеет крайне смутные представления об истории. Притом это совсем не означает, что они отказываются от прошлого, просто они выстраивают отношения с ним в другой парадигме. Знание истории легко замеряется (с помощью тестов), присутствие же в памяти определяется по существованию боли (тяжелых чувств, которые человек испытывает, вспоминая, восстанавливая образ какого-либо события).

1. Еремеева С.А. *Память: поле битвы или поле жатвы? М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2021. С. 5.*

2. Хальбвакс М. *Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.*

3. *Вышел декрет «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР» // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. URL: [link](#) (07.08.2022).*

4. *О преподавании гражданской истории в школах СССР // Дилетант. URL: [link](#) (07.08.2022).*

5. *О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: [link](#) (07.08.2022).*

«Память: поле битвы или поле жатвы?» культуролога Светланы Еремеевой — книга, позволяющая понять, как работают основные акторы, действующие в поле формирования представлений о прошлом (власть, церковь и общество).

Говоря о власти, автор подробно разбирает три проекта (Константиновский дворец, Федеральный военный мемориал «Пантеон защитников Отечества», Болгар и Свяжск), концентрирующих в себе имеющийся образ прошлого и доказывающих, что оно существует (хотя на самом деле этот образ отражает только определенный вариант прочтения прошлого). Автор также подчеркивает, что вышеперечисленные локации являются памятными местами, а не местами памяти. «Места памяти» (*lieux de mémoire* — термин, введенный французским историком П. Нора) означают живые средоточия памяти, включающие в себя различные временные пласты, коммуницирующие друг с другом, постоянно переопределяющие свой смысл, «говорящие» с человеком. В свою очередь, памятные места фиксируют хобсбаумовскую «изобретенную традицию» — память о том, чего никогда не было⁶.

Еще одним актором, «осваивающим» память, является Русская православная церковь (РПЦ). Еремеева отмечает усиливающийся религиозный интервенционизм:

- воссоздание Общества русской словесности (ОРС), нацеленного на реформирование гуманитарного образования (участие в реформе ФГОС касательно предметов «Русский язык» и «Литература», в подготовке профильных программ обучения и списка произведений, которые обязательно должны знать подрастающие поколения⁷);
- создание Фонда поддержки и продвижения отечественного культурного наследия «Пушкинский союз», распространяющего клерикализм среди молодежи⁸;
- создание Фонда Николая Чудотворца, организовавшего установку 20 скульптур святого по периметру границ России⁹;
- запуск программы строительства православных храмов в Москве (правда, на 2022 г. из 200 заявленных храмов построено 84¹⁰);

6. Еремеева С.А. *Память: поле битвы или поле жатвы?* С. 32.

7. *Заседание Общества русской словесности* // *Kremlin.ru*. URL: [link](#) (07.08.2022).

8. *О православных патриотах* // *История.рф*. URL: [link](#) (07.08.2022).

9. *На Курилах появился памятник Николаю Чудотворцу* // *Православие.ру*. URL: [link](#) (07.08.2022).

10. *Программа строительства православных храмов в г. Москве* // *Фонд «Поддержки строительства храмов города Москвы»*. URL: [link](#) (07.08.2022).

- строительство Свято-Троицкого собора в Магадане — храма-памятника жертвам советских политических репрессий («удобная память»: принесенные во время репрессий жертвы были необходимы для возрождения веры и потому наделяются позитивным смыслом) и др.

Также Еремеева упоминает об одном необычном факте «изобретении традиции» — с 9 мая 2015 г. по благословению патриарха во всех храмах РПЦ стал производиться заупокойный колокольный звон в память о погибших (церковь примеряется и к памяти о Великой Отечественной войне). Более того, церковь активно работает над развитием «духовных скреп»: речь идет о мультимедийных парках «Россия — моя история» (на данный момент открыто уже 23 парка по всей стране¹¹), исторических аттракционах, пестрящих фактическими ошибками, сомнительными интерпретациями, маргинальными концепциями, неочевидными лакунами, искажениями в цитатах.

Еремеева обращает внимание на то, что мемориальных групп, не связанных с государством, в России очень мало. Автор выделяет Вольное историческое общество (ВИО), Международное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал»¹², Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), Общественное движение «Архнадзор», Фонд культурных инициатив «ПроНаследие», Всероссийское общественное движение «Народный Собор». Наиболее интересными представляются общество «Мемориал» (широкое общественное движение, сторонники которого изучают и публикуют материалы о репрессиях 1930-х гг.¹³) и фонд «ПроНаследие» (культурно-просветительский медийный проект, нацеленный на налаживание коммуникации между НКО, их партнерами и волонтерскими организациями в сфере наследия¹⁴). Безусловно, обе эти организации играют значимую роль в современном российском поле памяти: «Мемори-

11. Современный исторический парк открылся во Владивостоке. Видеорепортаж Марьяны Яцкевич // Вести. Приморье. URL: [link](#) (07.08.2022).

12. В 2016 году организация была включена в реестр иноагентов, в 2021 году — ликвидирована по решению Верховного суда РФ, в 2022 году — награждена Нобелевской премией мира. — Прим. ред.

13. Сотрудники «Мемориала» возвращали из небытия имена погибших в годы репрессий, боролись за права человека, оказывали определенную социально-правовую помощь, ежегодно проводили акцию «Возвращение имен» (зачитывание у Соловецкого камня в Москве имен расстрелянных). — Прим. автора.

14. Сотрудники фонда занимаются не только консервацией отдельных объектов, но и ведут работы по сохранению исторической памяти и осуществляют проекты, направленные на вовлечение широкой аудитории в дело сохранения культурного наследия. — Прим. автора.

ал» стремится донести до широкой публики добытое историками знание о государственном терроре советского периода, сделать его частью общей исторической памяти жителей России; «ПроНаследие» смещает акцент с «охраны» и «борьбы» в сторону «сохранения» культурного наследия России.

В книге Еремеева подробно описывает несколько личных инициатив по спасению следов прошлого: восстановление храма Рождества Христова в бывшем Крохинском посаде, усадьбы Асташово в Костромской области, «Дома со львом» в Саратовской области, «Дома с характером» в Рязанской области, — эти истории показывают, что многим людям небезразличны «не-памятники» (исторические здания, не имеющие статуса памятника истории и культуры). Активисты стремятся спасти чужое прошлое, сохранить наследие начала XX века, сохранить память о выселенных, раскулаченных, репрессированных людях, живших в этих местах. Такие энтузиасты часто объединяются под знаменами различных общественных движений. Одним из таких движений является фестиваль восстановления исторической среды «Том Сойер Фест», упомянутый в 2016 г. в докладе ЮНЕСКО на конференции ООН Хабитат III, посвященной жилищному строительству и устойчивому развитию городов, как пример эффективного «мягкого обновления»¹⁵. Волонтеры «Феста» преобразуют дома, которые являются частью исторической застройки, но не имеют особого охранного статуса: архитектурного памятника или исторического наследия. Активисты движения считают, что общее равнодушие россиян останется таковым, пока наследие будет делом отдельных людей. По мнению основателя движения Андрея Кочеткова, идею сохранения наследия стоит вывести из узкоспециальной ниши и распространять самыми разными способами: от художественных и медийных до экономических и законодательных¹⁶.

Еще одна тема, поднятая в работе Еремеевой — «локальность» памяти. Например, народная память о Великой Отечественной войне часто бывает регионально (или даже этнически) окрашена. Это демонстрируют сочинения школьников, присланные со всей России на конкурс «Человек в истории. Россия. XX век» (проводившийся до 2022 г. обществом «Мемориал»): для школьника из Калмыкии или из Ингушетии война — это прежде всего история депортации, для российских немцев — это депортации и трудармия, для карель-

15. ЮНЕСКО рассказало о «Том Сойер Фесте» на конференции ООН // Другой город. URL: [link](#) (07.08.2022).

16. Андрей Кочетков о том, чему нас может научить пожар в соборе Парижской Богоматери // Том Сойер Фест. URL: [link](#) (07.08.2022).

ских школьников — память о финской оккупации, для школьника из Республики Коми — ГУЛАГ (работающий на победу из последних эковских сил), для татарских школьников — это эвакуация и т.д.¹⁷ То же самое касается событий Гражданской войны. К примеру, на Кубани жители станицы Губской поговаривают, что однажды призраки белогвардейцев привиделись женщине, находившейся на месте казни и погребения своих родственников, сгинувших во время красного террора¹⁸. В Удмуртии бесермяне считают могилы и отдельные захоронения солдат, погибших в годы Гражданской войны, сакральными объектами¹⁹ (практика почитания реализуется прежде всего через запреты, связанные с особыми местами или окказиональными ритуалами). А в Пермском крае советские ритуалы причудливо сплетаются с традиционной культурой²⁰ (почитаемое место опутывается сетью рассказов / ритуалов, которые могут поддерживаться официальным нарративом и мероприятиями, а могут оставаться в пространстве частной памяти). Общая черта для всех локальных традиций поминовения погибших в Гражданской войне: молятся о всех (независимо от того, погиб человек от рук красных, белых, зеленых или еще кого бы то ни было) и стремятся никого не забыть («Помяни, Господи, кого не знаю» часто звучит на могилах)²¹.

В современной России некоторые люди ставят своей целью «проработать прошлое», узнать, что случилось с их предками, преданными забвению²². Часто желанию вспомнить противостоит стремление не к забвению, а к сокрытию, желание умолчать, оставить в тени (например, ФСБ под разными предлогами отказывает предоставить документы; если они не хотят, чтобы об этом знали, значит, им не-

17. Щербакова И. Над картой памяти // *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа*. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 205, 207.

18. Кузнецова И.А. Видения в современной устной традиции восточнославянского населения Кубани // *Год Польши в России: вопросы историко-культурных взаимосвязей славянских народов и их соседей: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Науч. ред., сост. Э.Г. Вартастьян, О.В. Матвеев. Краснодар: Изд-во «Традиция», 2015. С. 307.*

19. Попова Е.В. Культурные памятники и сакральные объекты бесермян. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2011. С. 200.

20. Королёва С.Ю., Четина Е.М., Колегова О.А. Локусы памяти в пространстве традиции (почитание братских могил в Юрлинском районе Пермского края) // *Социо- и психолингвистические исследования*. 2015. Вып. 3. С. 128–144.

21. Еремеева С.А. *Память: поле битвы или поле жатвы?* С. 178.

22. *Как в случае томича Дениса Карагодина, несколько лет выяснявшего обстоятельства гибели своего прадеда, расстрелянного в годы Большого террора по обвинению в шпионаже. — Прим. автора.*

безразлично и прошлое, и сегодняшнее отношение к нему)²³. В данном контексте Еремеева подробно описывает российский гражданский проект «Последний адрес»²⁴ и немецкий гражданский проект «Камни преткновения»²⁵. Оба проекта пытаются делать одно и то же — ввести знаки памяти в повседневную жизнь города и вернуть домой (хотя бы в памяти) тех, кто ушел и не вернулся.

Еще одна тенденция, обозначенная автором — возвращение страха помнить. Часто люди опасаются, что с ними или с их родными может случиться что-то нехорошее. Поэтому власти часто «изолируют» школьников от прошлого: если раньше школьников привлекали к созданию Книг памяти тех городов и сел, где они живут, то теперь директора школ не пускают историков или общественных деятелей с лекциями о сталинских репрессиях, руководствуясь чеховским афоризмом «как бы чего не вышло».

Подводя итог, мы можем отметить, что в данной рецензии были освещены лишь некоторые опорные моменты книги «Память: поле битвы или поле жатвы?». Для полного погружения в проблемы мемориального ландшафта современной России рекомендуем прочитать эту работу целиком. Книга Еремеевой позволяет полностью окунуться в «круговорот» исследований *memory studies*, дает представление о памяти о Гражданской и Великой Отечественной войнах, сталинских репрессиях, но, к сожалению, в книге не описана память о более поздних вооруженных конфликтах времен холодной войны и постсоветского периода (афганская война, чеченские войны).

23. Еремеева С.А. *Память: поле битвы или поле жатвы?* С. 189.

24. В рамках проекта на доме, ставшем последним прижизненным адресом жертвы государственного произвола, устанавливается небольшой металлический памятный знак, на котором указываются имя убитого человека, его год рождения, профессия, даты ареста, казни и год реабилитации; в левой части таблички располагается квадратное отверстие, напоминающее пропавшую из карточки фотографию; совокупность множества таких персональных памятных знаков образует «сетевой» мемориал, рассеянный по разным городам мира. — Прим. автора.

25. «Камни преткновения» — это кубические бетонные камни, окованные листами латуни с надписями; они встроены в мостовые или тротуары перед бывшими домами жертв нацизма. На латунной пластине выгравировано имя, год рождения, год и место смерти человека. Камни побуждают прохожего остановиться и прочесть написанное. — Прим. автора.

Пётр Сергеевич Гончаров
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики» (Москва),
Факультет социальных наук,
магистерская программа
«Политический анализ
и публичная политика»
pyotr-goncharov@yandex.ru

Petr Goncharov
HSE University (Moscow),
Faculty of Social Sciences,
MA programme in Political Analysis
and Public Policy
pyotr-goncharov@yandex.ru